

Чэн Хао помрачнел и уже собирался начать нравоучения — будучи человеком правильных взглядов, он не выносил, когда при нем отпускали сальные шуточки. Но тут же, вспомнив, что нужно налаживать отношения с сыном, он слегка улыбнулся:

— Деньги твоего отца отложены тебе на невесту, с чего бы мне содержать какую-то пожилую женщину?

— Ой, не лезь в мои дела, ладно? Тебе самому уже пора устроить личную жизнь. Останешься на старости лет один — разве не жалко?

Чэн Хао:

— Разве я на старости лет не останусь с тобой?

Чэн Фэйян отмахнулся:

— И не рассчитывай на меня, я точно никудышный сын.

— ... — Чэн Хао никак не мог взять в толк, почему с этим сыном совершенно не получается найти общий язык.

Вспомнив, как по собственной дурости отправил его в армию, из-за чего тот затаил обиду и десять лет не появлялся дома, Чэн Хао жутко раскаивался. Теперь он совсем не понимал сына и даже не представлял, о чем с ним говорить.

В салоне машины воцарилось молчание.

Добравшись до дома, Чэн Фэйян взял чемодан и направился наверх. Сделав пару шагов, он заметил, что Чэн Хао тащится за ним с букетом:

— Тебе правда не нужно со мной возиться, иди лучше поищи пожилую женщину.

Чэн Хао ничего не оставалось, как рассказать ему предысторию этого букета.

Чэн Фэйян опешил и выдал:

— Обязательно было так изгаляться? Ладно-ладно, понял я твою тяжелую отцовскую любовь!

Чэн Хао, почувствовав себя неловко в роли старого отца, пробурчал:

— Раз понял — хорошо, и не смей говорить, что я о тебе не забочусь.

— Раз уж на то пошло, скажи-ка, как продвигается дело, о котором я тебя просил?

Чэн Фэйян по-свойски, без всякого уважения, закинул руку на плечо Чэн Хао.

Чэн Хао вовсе не горел желанием этим заниматься, но, подумав, что за десять лет человека уже не переделать, да к тому же сын вернулся, он понял, что руганью ничего не исправишь.

Смирившись со своей участи, он отчитался о проделанной работе:

— Он уже заместитель начальника Отдела по борьбе с наркотиками. Чтобы стать начальником, нужно еще выслугу лет подкопить — все-таки он слишком молод. Если я продвину его прямо сейчас, слишком многие будут недовольны. Впрочем, ругали меня не зря, парень и впрямь толковый. Те старые хрычи больше не смеют судачить о нем за спиной.

Чэн Фэйян кивнул и похвалил:

— Отлично, хорошо справляешься. А что насчет остального?

— ... — с какого перепугу, ломал голову Чэн Хао, похвала от собственного сына доставляет ему такое удовольствие?

— А остальное... тех девчонок, что вились за ним, и тех, кого пытались сосватать, мне даже разгонять не пришлось: он отшивал всех без малейшей жалости, так что теперь в управлении никто и заикнуться не смеет.

Осенняя погода бодрит, и настроение просто превосходное.

Чэн Фэйян чувствовал, что будущее сулит немалые перспективы.

Денечки после дембеля оказались вовсе не такими райскими, как представлялось. Привыкнув к армейской дисциплине, он вдруг остался сам по себе: никто не указ, никаких тренировок — дни тянулись тоскливо и пусто.

Ровно в шесть утра Чэн Фэйян ворочался в постели, не в силах уснуть.

Всю ночь ему снились эротические сны, и от этого Че Чэньфэн желался еще сильнее.

Стоило закрыть глаза и предаться воспоминаниям о ночном видении, как его младший братишка мгновенно встрепенулся и задиристо затребовал своего.

Ощущения были донельзя реальными.

В итоге Чэн Фэйян проснулся весь в поту и машинально взглянул на ладонь — та была липкой от испарины. Только тогда он пришел в себя и с чувством глубокого разочарования рухнул обратно на матрас.

Бросив взгляд на свое донельзя затвердевшее достоинство, Чэн Фэйян встал, запер дверь на задвижку, уединился в ванной и принялся заниматься физкультурой голышом.

Утром у входа в Отдел по борьбе с наркотиками.

Служебная собака Ацзи со своим кинологическим напарником заступила на посту. Внезапно пёс забавно зашевелил носом, а затем его глаза подозрительно заблестели, и он принялся озиаться по сторонам.

Обладающий тончайшим нюхом зверь уловил в воздухе аромат крупных мозговых косточек, который, подобно невидимой ядовитой змее, проскользнул в его ноздри.

— Тяфк... — Ацзи не удержался.

Его напарник Дэ-цзай бросил косой взгляд на собственные ботинки:

— Тише.

Спустя мгновение раздалось:

— Цок-цок...

У Ацзи рекой полилась слюна.

Дэ-цзай тут же смущенно огляделся по сторонам, но, к счастью, никто на них не обращал внимания.

— Ацзи, дружок, у тебя сегодня первый день на дежурстве, не мог бы ты вести себя приличнее? То, что ты еще щенок, вовсе не значит, что я не стану тебя наказывать.

Отчитывая пса вслух, Дэ-цзай правой рукой тем временем извлек из кармана брюк обломок колбасы:

— На, слопай и стой на посту как положено.

Ацзи издал пару благодарных звуков.

Дэ-цзай с нежностью погладил собачью голову: выращенный и вышколенный им лично служебный пёс ничем не отличался от собственного ребенка.

Человек и собака возились у караульной будки, даже не подозревая, что неподалеку их кто-то тайком разглядывает из припаркованного черного фургона.

В восемь утра сотрудники Отдела по борьбе с наркотиками потянулись на работу. Заступивший в ночную смену наряд сдал дела и разошелся по домам.

Че Чэньфэн закончил с текущими делами, передал смену капитану Баю и устало вышел на улицу.

Дэ-цзай и Ацзи, завидев его, вытянулись по струнке:

— Начальник Че, с окончанием смены!

— Угу, сегодня ваша очередь дежурить.

Ацзи очень любил Че Чэньфэна и при каждой встрече норовил развязать ему шнурки.

Дэ-цзай был ровесником Че Чэньфэна, искренне уважал его, а потому всегда радостно приветствовал при встрече.

К лаконичным ответам старшего по званию он давно привык.

— Ацзи, прекрати кусаться, — Дэ-цзай ухватил пса за торчащее ухо. Обычно тот просто крутился под ногами, но сегодня решил пустить в ход зубы.

Че Чэньфэн подхватил Ацзи на руки, просунул длинный указательный палец ему в пасть и потрогал молочные клыки:

— Режутся зубки, хочется что-нибудь погрызть, да? Я завтра принесу тебе специальных жевательных палочек.

Массаж воспаленных и зудящих десен принес облегчение, и Ацзи блаженно прикрыл глаза.

Немного повозившись со щенком, Че Чэньфэн собрался домой:

— Стойте на посту как следует.

Ацзи провожал его взглядом, полным горькой тоски.

Машина Че Чэньфэна стояла на улице рядом с управлением — до нее было пару минут ходьбы.

Ацзи неотступно провожал взглядом его удаляющуюся спину. Дэ-цзай ревниво поджал губы:

— Что-то я не припомню, чтобы ты так убивался, когда моя смена кончается. Кто из нас вообще твоя настоящая мамочка?

Ацзи оставил реплику Дэ-цзая без внимания: его взгляд постепенно становился все более напряженным, пес вскинулся на лапах, задрал морду и настороженно уставился в сторону Че Чэньфэна.

Несмотря на юный возраст, когда он сосредоточился, в нем проступила такая грозная стать, что он ни в чем не уступал бывалым служебным псам.

Дэ-цзай озадаченно проследил за его взглядом:

— В чем дело?

Ацзи тут же затыкнул:

— Гав-гав-гав!

Хотя Ацзи был еще мал, все его предки — от родителей до дедушек и бабушек — происходили из чистокровных служебных собак. Пусть он был не дурак поест, нарушать заложенную дисциплину не смел.

Коль творится что-то неладное, жди беды!

Дэ-цзай скомандовал:

— Шагом марш!

Щенок был мал ростом, и голос у него был тонкий, так что шедший впереди Че Чэньфэн ничего не расслышал. Подумав секунду, Дэ-цзай крикнул:

— Начальник Че!

Че Чэньфэн остановился, обернулся и увидел, как человек и собака быстро бегут к нему.

Ацзи продолжал заливаться истотным лаем.

Профессиональное чутье подсказало ему, что вокруг творится что-то неладное.

Это место находилось прямо у входа в Отдел по борьбе с наркотиками, поблизости располагался полицейский участок, и здесь то и дело патрулировали сотрудники.

В столь суровом и охраняемом месте посторонние без нужды не околачивались.

Именно поэтому на большой улице, помимо редких проезжающих машин, почти не было прохожих.

<http://bllate.org/book/22351/2342272>